

В комнате мгновенно воцарилась тишина, нарушаемая лишь всхлипываниями женщины, сжавшейся в углу.

Глаза Сюй Миньюэ были слегка покрасневшими, а взгляд метался между ними двумя, выражая такое глубокое горе и душевную боль, словно она стала свидетелем чего-то невыносимо жестокого. Плотнo сжав губы, она выглядела так, будто ей причинили невероятную несправедливость.

Чу Хуайчжи с мрачным выражением лица посмотрел на нее, и в его голосе прозвучала растерянность, которой он сам в себе даже не заметил:

— Почему ты проснулась?

Она опустила ресницы, и в свете мерцающих свечей на мгновение блеснула влага:

— Проснувшись, наложница собственными руками приготовила для Вашего Величества сахарные пирожные. Я и подумать не могла, что помешаю Вашему Величеству предаваться утехам, я сейчас же уйду.

Сказав это, она присела на корточки, чтобы собрать осколки фарфора на полу, и ее хрупкая фигурка казалась жалкой и одинокой.

Чу Хуайчжи замер на месте, в его груди зародилось странное, щемящее чувство. Он никогда прежде не испытывал ничего подобного и какое-то время не знал, как себя вести.

Острый осколок фарфора порезал ей палец. Она тихонько ахнула и, словно больше не в силах выносить такое унижение, поднялась на ноги. Слезы покатались по ее щекам, и, проскользнув мимо него, она попыталась броситься к выходу.

— Стоять! — Чу Хуайчжи схватил ее за руку почти инстинктивно.

Сюй Миньюэ подняла голову и посмотрела на него заплаканными глазами. Она попыталась вырвать руку, но у нее не получилось.

Кажется, он что-то понял, взглянул на раскиданные повсюду осколки, крепче сжал ее ладонь и утешил:

— Ну будет тебе, чего ты злишься? Подумаешь, какая-то женщина. Если она тебе не нравится, я прикажу ее убить, и дело с концом. Эй, стража!

Сюй Миньюэ испугалась и поспешно бросила:

— Посторонись!

— Что? Недовольна? Тогда я велю содрать с нее кожу, чтобы ты выпустила пар.

Сюй Минъюэ едва не расхохоталась от столь причудливой логики его мышления: с какой стати за его ошибки должны расплачиваться чужие жизни?

Она обиженно фыркнула, отвернувшись, демонстрируя капризный нрав:

— Больше не хочу видеть эту женщину. Смертью ее слишком легко наказать, прикажи выгнать ее из дворца, пусть катится как можно дальше!

— Хорошо, пусть будет по-твоему, только не злись.

Он чувствовал, будто у него на сердце скребут кошки, и, бросив косой взгляд на дрожащую от страха женщину, приказал:

— Стража, уволочите ее отсюда и выбросьте за пределы императорского дворца.

Когда стражники уводили девушку, та все еще смотрела на Сюй Минъюэ полными шока глазами.

Чу Хуайчжи обнял ее со спины:

— Больше не злишься?

— Хм, просто неприятно.

Прильнув к ее плечу, Чу Хуайчжи проговорил холодным, чистым голосом:

— Сюй Минъюэ, ты что, ревнуешь?

Сюй Минъюэ ничего не ответила, лишь опустила взгляд на ковер, и лицо ее выразило легкое замешательство.

— Ладно, всё сделали так, как ты хотела, больше не смей сердиться.

Она недовольно повернулась к сладостям и, растопырив свои изящные тонкие пальцы, продемонстрировала кровавую ранку на указательном пальце, с упреком произнеся:

— Знала бы — не стала готовить.

Чу Хуайчжи поймал кровоточащий палец Сюй Миньюэ и поднес к губам, слизнув капельки крови. Алая кровь окрасила уголки его губ, а жар от его дыхания заставил кончики ушей Сюй Миньюэ покраснеть.

Она попыталась отдернуть палец, но Чу Хуайчжи держал крепко.

Его кадык дернулся, и внезапно возникло непреодолимое желание поцеловать ее.

Лицо Сюй Миньюэ в сиянии свечей казалось необыкновенно чистым и прекрасным. Взгляд Чу Хуайчжи был прикован к ней, словно он пытался заглянуть ей в душу.

Он спросил:

— Сюй Миньюэ, ты что, влюбилась в меня?

Но на этот раз Сюй Миньюэ не стала уклоняться от ответа и произнесла:

— Что же делать, кажется, совсем немного.

Чу Хуайчжи резко наклонился и впился в ее губы. Тело Сюй Миньюэ мгновенно оцепенело, в голове образовалась абсолютная пустота, она совершенно забыла о сопротивлении.

Поцелуй Чу Хуайчжи был нежным и страстным, его губы легко касались губ Сюй Миньюэ. Постепенно она расслабилась и начала отвечать на его поцелуй.

[Показатель благосклонности +15]

Он не стал раздумывать над тем, как именно Сюй Миньюэ в него влюбилась, просто чувствуя, что все происходящее само собой разумеется.

Она изначально должна была принадлежать только ему!

Сколько он себя помнил, императорский двор всегда был ареной коварных интриг и обмана. Перенесенные в детстве унижения и жестокость не позволили ему познать теплоту.

Взойдя на престол, он стал действовать еще более безрассудно, вовсе переставая считаться с чьими-либо мыслями.

И этот лучик света перед глазами заставил его вцепиться в него мертвой хваткой, не желая отпускать.

Даже если за этим крылись тайные замыслы и расчет.

Из-за такой пустяковой ранки он все равно велел позвать лекаря, чтобы тот приготовил мазь, хотя приди он чуть позже, порез наверняка бы уже затянулся.

Но когда лекарство было готово и лекарь уже собирался перевязать рану, Чу Хуайчжи с раздражением приказал ему убираться.

Сюй Миньюэ сидела на стулке, показывая ему порез:

— Раз император прогнал лекаря, то как же быть с моей раной? Позвольте дворцовым служанкам войти.

Чу Хуайчжи было неприятно даже думать о том, что ее коснется кто-то чужой — не то что мужчина, даже женщина:

— Нельзя.

— Почему это? — с недоумением спросила она.

— Без почему.

Сюй Миньюэ дернула его за темно-синий рукав, и равнодушный взгляд Чу Хуайчжи упал на нее:

— Что такое?

Онастроила невинное и жалостливое выражение лица:

— Раз император не позволяет лекарю сделать перевязку и служанок не впускает, неужели он хочет, чтобы наложница перевязывала ее сама?

Чу Хуайчжи нахмурился, колеблясь, но тут Сюй Миньюэ добавила:

— Но не может же император лично перевязывать рану наложнице.

Он очнулся, и взгляд его стал холодным:

— Что ты мелешь?

Ха, заставить его, величественного императора, перевязывать раны какой-то наложнице — шутки вздумала шутить.

Сюй Минъюэ разочарованно опустила голову, и даже ее прическа поникла, напоминая ушки приунывшего кролика:

— Наложница просто к слову пришлось. Император — особа благородная, разве может он заниматься подобным? Тогда я позову стражников.

— Какая из их рук посмеет коснуться тебя — ту руку я отрублю по самый локоть.

Сюй Минъюэ:.....

— Значит, на эту мазь можно только смотреть?

Чу Хуайчжи ничего не ответил, опустив ресницы — очевидно, он все еще сомневался.

Увидев это, Сюй Минъюэ притворно охнула:

— Ой!

— Что случилось? — в его голосе прозвучала тревога, которой он сам не замечал.

— От дуновения ветерка палец так сильно болит, — она захлопала глазами, похожими на спелые ягоды винограда.

Услышав это, Чу Хуайчжи тут же схватил баночку с мазью и, забыв о всяком этикете и субординации, принялся с величайшей осторожностью перевязывать ей рану.

Сюй Минъюэ молчала, лишь тихонько наблюдала за ним.

В комнате стояла такая тишина, что было слышно лишь потрескивание свечи. Его движения были несколько неуклюжими, он даже не умел рассчитать силу, и когда Сюй Минъюэ тихонько вскрикивала от боли, он замирал, а в следующий раз действовал еще нежнее.

Сюй Минъюэ невольно поджала пальцы, кончики которых соприкоснулись с теплом его ладони — это было живое, мягкое ощущение.

Он не был бездушным бумажным персонажем.

Как раз в тот момент, когда Сюй Минъюэ захотела переплести свои пальцы с его, в ее сознании всплыли те кровавые сцены: картины бесчисленных жестоких смертей по-прежнему преследовали ее. Все это он когда-то являл ее взору.

Мерцающий свет свечи вытянул тени ее ресниц. Когда он наконец закончил перевязку, Сюй Минъюэ сглотнула пересохшую слюну и тихо произнесла:

— Почему ты не позволил другим сделать перевязку? Уж не ревнует ли случайно и сам император?

Чу Хуайчжи поднял взгляд:

— Ты признаешь, что ревновала?

<http://bllate.org/book/18796/1826760>